

ИРИНА УШАКОВА

ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ И СЕРБИИ

*Памяти слависта, председателя Общества Русско-Сербской дружбы
Ильи Числова*

Повторю известное, но это данность: Сербия близка нам по крови и по духу, но ещё и потому, что это страна, где нас, русских, любят.

Сходство нашей истории и единство славянской судьбы бесспорны. От битвы с мусульманским миром на Косовом поле и на Куликовом поле – до освободительного движения на Балканах в 1870-е годы, о котором так живо написал Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя”, от Первой мировой войны и геноцида славян в Ясеновце в 1941–1945 годах до столкновения с англосаксонской агрессией в конце XX века: нам было прописано разрушение экономики и культуры изнутри, а сербам уготованы ковровые бомбардировки и заражение территории обеднённым ураном.

В 1990-е и 2000-е годы одним из лидеров консолидации русского патриотического движения и радетелем русско-сербской солидарности стал известный переводчик, член Союза писателей России (с 1992 года), председатель Общества Русско-Сербской дружбы, главный редактор Собрания творений святителя Николая Сербского на русском языке Илья Михайлович Числов (14.03.1965–16.12.2019).

Молодого учёного ценил художник Илья Глазунов. Для скульптора Вячеслава Клыкова Числов был главным помощником и консультантом по сербским вопросам. Он решал вопросы, подготавливал возможность установки первой работы В. Клыкова в Сербии (Нови-Сад) – памятника преподобному Сергию Радонежскому, – затем святителю Николаю Сербскому в Белграде. Илья Михайлович встречался и не раз беседовал с академиком И. Р. Шафаревичем, с писателем В. Г. Распутиным, сербским философом и публицистом Драгошем Калаичем, чьи сборники статей, к примеру, “Третья мировая война”, перевёл на русский.

Илья Числов с отличием окончил славянское отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности “сербский язык и литература”, учился в аспирантуре Института славяноведения и балканистики РАН, преподавал в Государственной академии славянской культуры, в православных учебных заведениях.

Его мастерски созданные художественные переводы признаны в профессиональной среде лучшими. Главный труд его жизни – перевод творений святителя Николая Сербского, а также религиозно-философской поэмы “Луч микрокосма” величайшего сербского и крупнейшего южнославянского поэта, митрополита и правителя Черногории Петра II Негоша (1813–1851), по своему поэтическому дарованию равного для сербов нашему Пушкину.

“Специфика сербского вопроса, – говорил И. Числов, – заключается в том, что сербы при своём, несомненно, более западном менталитете (обусловленном, прежде всего, причинами географическими) одновременно сохранили в себе гораздо больше исконного, нежели те, кого они всегда (и абсолютно справедливо) почитали за старшего брата. “Сербы – такие, какими мы были когда-то”, – эти слова Вячеслава Клыкова весьма точно отражают суть затронутой проблемы. Открывая для себя Сербию, мы открываем самих себя. Вновь обретаем собственное естество (или по крайней мере какую-то часть онога)”.

И. М. Числовым написаны сотни научных и публицистических статей об истории, культурной и духовной традиции России и Сербии, переведены десятки книг замечательных сербских поэтов (Слободанки Антич, Ранко Радовича) и прозаиков (Лиляны Хабьянович-Джурович), составлена Антология сербской поэзии XX века (2003). Числова заслуженно считают исследователем духовного наследия святого Саввы Сербского, редактором трудов преподобного Иустина (Поповича).

Во многом благодаря И. М. Числову православные люди в России осознали значение для нас Сербии и сербской традиции. И верно, слушая горячие выступления Числова, ощущая теплоту его любви к солнечным Балканам, невозможно было не полюбить Сербию. И – свидетельствовать – невозможно было остаться равнодушным к православным святыням. Ему дана была мудрость – не по годам – и дар укреплять человека в вере.

С момента учреждения Общества Русско-Сербской дружбы (1991) И. Числов был его секретарём, а с 1996 года – председателем Общества. Ежегодно члены Общества проводили сами или участвовали в конференциях по славистике, бывали на различных мероприятиях в Сербии, Черногории. В 2015 году на Видовдан (день Косовской битвы) И. Числов возил студентов и школьников даже в ныне оккупированное, но по-прежнему не сломленное сербское Косово. С 1995 года председатель Общества ежегодно организовывал школьный праздник в день святого Саввы Сербского в Ховринской православной гимназии, а затем в школе имени апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Москве.

Владыка Черногорский и Приморский Амфилохий (Радович), несомненный авторитет в православном мире, благословлял Илью Числова много лет. “Я жив только благодаря молитвам владыки Амфилохия”, – говорил он в последние месяцы жизни.

В 2017–2018 годах Общество Русско-Сербской дружбы принимало в Москве известного поэта Ранко Радовича, провело две презентации поэмы Петра Негоша в переводе И. Числова. Выходили десятки публикаций на церковные и культурологические темы, Илья Михайлович выступал на радио “Радонез”, “Русский мир”. Его чеканный голос, внушительный тон и академическая манера выступлений незабываемы! В Сербии и в России прошло несколько выставок и творческих встреч, посвящённых семье последнего русского Государя. Сербы помнят, что Русский Царь спас их в 1914 году, и платят благодарной памятью и любовью нам. Улицы многих сербских городов называют именем Государя Николая II, а в Белграде в его честь возвели уже второй памятник.

Выступления Ильи Числова на патриотических собраниях, на страницах “Нашего современника” и “Русского вестника” ещё в начале 1990-х бодрили дух соратников и укрепляли русскую соборность. Это было время разрухи и неразберихи, из которого, несмотря ни на что, пробивалась надежда на возрождение национальной культуры и русского самосознания...

В апрельском номере “Исторической газеты” за 1999 год мы дали обращение Слободана Милошевича, а также подборку писем простых американцев своему президенту с требованиями прекратить бомбёжку Югославии. Тогда же одно за другим проходили мероприятия в поддержку сербов, в основном в здании Международного центра славянской письменности и культуры, где выступал в том числе Илья Числов. Редактор “Исторической газеты”, мой учитель Анатолий Парлара, хорошо знавший отца Ильи Михайловича – далеко не последнего человека в литературе и на общественном поприще в 1970–1990 годы, – сказал об Илье: “Вот кремень! Он выступил за всех нас!”

Илья Михайлович до конца оставался таким же непреклонным бойцом, как и в 1990-е годы. Он не был замкнут в профессиональном научном мире,

хотя до последних дней работал в архивах со старославянскими текстами, переводил святоотеческую литературу. Его острая публицистика помогала нам разбираться во многих тревожных явлениях современной жизни, понимать духовные основы политических отношений России и Сербии.

К 20-летию начала американо-НАТОвской агрессии против суверенной Югославии в газете “Слово” был опубликован его материал “Уроки славянского мужества”. В нём, частности, автор напоминал: “Несмотря на предательство Ельцина и Черномырдина, несмотря на колебания собственного политического руководства (под давлением не столько с Запада, сколько с Востока), сербский славянский народ и православное сербское воинство явили миру подлинное чудо стойкости и героизма, равно как и ясное понимание глубинного смысла происходящего. Сербские зенитчики сбивали новейшие самолеты США, Англии и Франции с помощью устаревших ракетных комплексов, умело используя возможность горной местности и радиопомехи. Подполковник Живота Джурич, расстреляв боекомплект, пошел на таран (!) американского бомбардировщика и погиб вместе с не успевшим катапультироваться врагом. Иконы с изображением трёхлетней Милицы Ракич – одной из первых жертв американских ракетно-бомбовых ударов по сербским городам и сёлам – вскоре стали известны по всей стране, и, хотя до официальной канонизации дело тогда не дошло, почитание этой юной мученицы в ряде сербских областей приобрело такой же характер, как и аналогичное почитание у нас на Руси священномученика младенца Гавриила Белостокского”.

Мы говорим сегодня о безвременно почившем выдающемся учёном потому, что он не просто внёс вклад в сербистику и славянскую литературу и историю, но он расширил для русских и сербов понимание нашей истории и культуры, дал нам возможность осознать самих себя, а это нам сейчас необходимо, прежде всего.

Для И. Числова переводческая деятельность героического сербского эпоса и святоотеческой литературы стала жизнью и судьбой. Героическое восприятие мира руководило им. Русский учёный верил, что и для Европы, “любимой дочери Христа”, по словам святителя Николая Сербского, стержнем остаётся героический идеал, несмотря на попрание европейцами христианской традиции. Поэтому столь высоко ценил он героическое начало в сербской традиции и генетической памяти. “От легендарных юнаков до нашего современника Симо Дрлячи, бывшего начальника полиции города Приедора, предательски окружённого уже в “мирное” время целым взводом британского спецназа (при поддержке бронемашин и вертолётов), но всё же успевшего встретить прицельным одиночным выстрелом первого из натовских убийц, красной нитью, под цвет крови и багряницы, проходит в сербской традиции эта центральная, жизнеутверждающая линия, – писал И. Числов в своей статье “Косовский завет”. – Под цвет крови и багряницы – ибо в основе всего лежит Косово, царская жертва на Косовом поле”.

В конце XIV столетия сами западные европейцы сравнивали битву на Косовом поле с битвой при Пуатье (732), положившей конец арабскому наступлению с Юга. “И тогда уже, – продолжал Числов, – поражённая многими язвами, уврачевать которые можно было бы только елеем истинной веры, а никак не с помощью яда католицизма, в ту пору Западная Европа всё ещё сохраняла немалую толику прежней чести и достоинства. Если бы тогдашние европейцы могли видеть своих жалких потомков, поддержавших в 1999 году военную агрессию США против сербского народа, они, вероятно, содрогнулись бы – если не от стыда, то от презрения”.

В работах Ильи Михайловича русские, сербы – лучше, чем мы есть на самом деле. Он мог резко судить тех, кто проявлял слабость в защите национальных интересов. Но он поддерживал тех, кто хоть сколько-нибудь послушал России. Сколько раз в тесной квартирке Числовых находил уютный поэт Николай Мельников! Сколько сербских фильмов перевёл Илья Михайлович для международного славянского кинофестиваля “Золотой витязь”, у истоков которого стояли Н. Мельников и Н. Бурляев! Сколько рукописей для переводов бесконечно летело к нему от русских и сербов, и редко с кого он брал деньги за работу. “Это надо для дела!” – был один ответ. Илья вкладывал монетку в каждую протянутую руку, останавливаясь в подземном переходе, среди людского потока на тротуаре, даже если мы очень спешили на какое-то мероприятие. “Равнодушием отчей земли не обидел” – это о нём.

К Илье Михайловичу, вне сомнения, относится понятие “русский интеллигент, представитель элиты”. И вовсе не потому, что он мог на сербском языке читать курс латыни. Элита – это те, кто берёт на себя ответственность за всё, что происходит со страной и с народом. Как горько, что такого уровня слависту в последние полтора десятка лет не нашлось места на кафедрах наших вузов! Досадно, когда представляешь, что могла получить от него наша молодёжь.

При общении с Ильёй Числовым, обладавшим огромной эрудицией, глубоко знавшим и любившим зарубежную и русскую историю, литературу, философию, казалось, что он человек XIX века. Особо близки ему были славянофилы А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский. Лермонтовские строки приводили его в восторг, возвращая ко времени раннего детства, когда и вошли они в его плоть и кровь. Из Серебряного века ему был близок Николай Гумилёв – офицер, одним из первых испивший чашу русской трагедии.

Илья Числов сам был русским офицером. Служил в войсках ПВО, хотя в МГУ была военная кафедра. Его деды воевали в Великую Отечественную, прадеды были царскими офицерами. Ему одинаково близки были герои Куликовской битвы, Косовской битвы и герои Первой мировой войны, святые Борис и Глеб и воин Женя Родионов. Он глядел будто поверх нашего земного времени. Брал только суть. Спешил жить – честно, напряжённо и предельно просто.

И. Числов часто повторял, что святитель Николай Сербский верил в возрождение, в воскрешение Европы. Приводил пример, как 12 итальянских солдат приняли Православие в монастыре Высокие Дечаны в Косове, где с древних фресок смотрят на нас святые воины с обнажёнными мечами и Христос с мечом в деснице, говоря, что “не мир Я принёс вам, но меч”.

Если бы он не был человеком глубоко верующим, о нём можно было бы говорить только в горизонтальном измерении. Но Илья был человеком, устремлённым в Вечность, соизмерявшим каждый свой шаг со святоотеческим учением. Без благословения духовника и без Святого Причастия он не приступал ни к какой работе. Зная это, помня его искренность во всём, теперь легче думать о переходе его в Вечность. И всё же смириться с его уходом невозможно, потому что ему замены нет.

Нынче, в разгар грозных событий в Черногории Илья был бы уже там, как и прежде – в 1992 году, в 1999-м. Теперь же он ушёл туда в другом качестве. И сербы знают это лучше нас. Свидетельством тому приходящие нам, его соратникам, письма из Сербии. “Многие сербы зажигают сегодня свечу за великого сербского друга”, – написал общественный деятель Ранко Гойкович.

Радиожурналист Мария Живкович, вот уже 20 лет автор передачи “Матушка Россия” на радио “Светигора” (Черногорско-Приморская епархия), прислала, в частности, такие слова, обращённые к Илье, в Вечность: “Кто бы ещё сказал о нордическом мифе, индоевропейских достоинствах и художественном наследии Византии в православной сербской культуре, кто бы изрёк, что “сербская духовная культура – основа сербской славянской стойкости”, если бы Вы “случайно” не попали в сербскую группу во время своей учёбы в МГУ?

Но сейчас я слышу Вас особенно ясно и отчётливо, когда Вы говорите, что сербы в большинстве своём в нравственном отношении выше своего врага. Причём “не на копьё”, как говорят у нас, а “на два копьё”. Дорогой Илья, не посмеют Вас забыть те, кто Вам столь обязан и за кого Вы были готовы умереть”.

Нам же остаётся стремиться быть достойными лучших представителей своей нации. “Когда умножаются праведники, веселится народ, а когда господствует нечестивый, народ стонет” (Притч. 29: 2).

Илья Михайлович, воспитавший в Вере и любви к Отечеству троих собственных детей, отдавал все силы работе со школьниками, понимая, что прививать, поддерживать православную и национальную традицию необходимо с детства. Девять лет вместе с послом Сербии в России Славенко Терзичем они организовывали в Сербском посольстве музыкальные и поэтические конкурсы “Сербия в сердце моём” (все эти годы конкурс, как и само Общество Русско-Сербской дружбы, работали без малейшей материальной поддержки). Школьники со всей России приезжают на этот форум и читают наряду с русской классикой произведения Петра Негоша, Йована Дучича, Милана Ракича,

Владислава Петковича Диса, Светислава Стефановича и др. Если бы по нашему ТВ показали хоть на пять минут эту мощную славянскую стихию, так естественно воспринимаемую детьми, то по контрасту с ней все смогли бы наконец увидеть ту бездну извращённого сатириками-руссофобами пластмассового мира, в которую мы все опрокинуты!

“Русский воин непобедимого славянского духа”, – сказала об Илье Числове руководитель Историко-этимологической школы “Ростки” им. академика О. Н. Трубачёва, преподаватель церковно-славянского, английского и немецкого языков школы им. лётчика Н. Ф. Гастелло (г. Долгопрудный) Н. С. Корольчук.

Лучшим другом Ильи Числова был участник Балканской войны, русский доброволец Владислав Кассин. Надо отметить, что учёному академического склада, каким был Числов, заслужить уважение людей, прошедших ужасы войны, нелегко. Но Илья заслужил. Как Михаил Лермонтов заслужил доверие казачьей сотни. Учёный-славист был одного боевого духа с русскими добровольцами.

“Духовное наследие славянского мира, – считал Илья Числов, – востребовано сегодня самой жизнью. Роль Церкви в современном обществе, особенно в православных странах, стремительно возрастает. И точно так же естественным образом крепнет и актуализируется европейская и индоевропейская самоидентификация славян. Глупо было бы не считаться с этим объективным процессом. И поистине самоубийственно – пытаться противостоять ему”.